

Антипова И.Г., к.пс.н., доцент
кафедры общей психологии
Ростовского государственного педагогического университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия

ПСИХОАНАЛИЗ З. ФРЕЙДА КАК НАУЧНАЯ РЕАКЦИЯ НА КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС

З.Фрейд рассматривают как историческую фигуру, внесшую вклад в развитие западной культуры. Но при этом психоанализ представляют абстрактно, вне исторического контекста, вне его социокультурной обусловленности и вовлеченности в поток истории, вне исторического изменения человека, трансформации культурных запретов и смыслов. Роль психоанализа в данном случае трактуется как открытие человека в культуре – человека, страдания которого «дошли до пределов», что и потребовало создание психоанализа. При таком взгляде игнорируется то обстоятельство, что сам психоанализ занимает место в истории, выполняя историческую задачу, взаимодействуя не с абстрактным «человеком в культуре», а человеком, переживающим смену культурных ориентиров, закат Нововременной матрицы. Будучи востребован культурой, психоанализ включен в историю человека, как и другие социокультурные практики, он способствует изменению человека, историческому движению смыслов. Психоанализ обусловлен, находится в истории, изменяет смыслы человека, его отношение к запретам, но, освобождая, он создает новые запреты, порождает новые иллюзии.

Рассмотрение психоанализа, причин кризиса, путей выхода из него требует отказа от натурализма в трактовке психоаналитической теории. Против натурализма делал свои шаги психоанализ. Осознавать – вот задача психоанализа, но, требуя осознавать, психоанализ порождает новые защиты.

Анализ кризиса связан с пониманием его функции в культуре. С той точки зрения, согласно которой всякое развитие является кризисным, а культура как развитие всегда находится в кризисе, постановка проблемы человеком есть лишь часть кризиса. Постановка проблемы кризиса есть сторона самого кризиса, есть задача человека, которая создает кризис и способствует его разрешению. Понимание человеком кризиса задано культурными средствами, нуждами, смыслами, оно востребовано, как часть самого кризиса и развития культуры. С точки зрения, согласно которой человек объективно отражает кризис и ставит проблему кризиса, когда это становится необходимо, оказывается непроанализированным феномен возникновения психических расстройств после того, как о них заговорили ученые.

Постановка проблемы есть действие человека, включенное в культуру и обладающее определенными функциями. Наука ставит проблемы потому, что участвует в бытии, в вовлекающем дискутировании, дискурсе. Для современной науки возможны различные точки зрения, допустимы разные взгляды, потому ставятся разные проблемы, и потому создаются, определяются, очерчиваются разные пути разрешения. Обоснование постановки проблемы характерно для классической науки. Для современной же науки обоснование есть нечто временное, что реализуется с осознанием невозможности ни обосновать, ни поддержать высказывание последними аргументами. Историческое сознание находится в кризисе, становясь. Имея дело с кризисом своего времени, психоанализ ставил задачу адаптировать, а в результате своей деятельности (неадаптивной, по В.А.Петровскому) изменил самое сознание, открыл новые функции сознания, создал особую практику и возможность избегания, бегства в «застревание» на психоанализе. Психоанализ поставил вопрос самолегитимации и открыл специфическую активность, а потому – и новый модус занятий – вовлеченность в анализ.

З.Фрейд и классическое сознание – это отношение рассматривается по-разному.

Различные теоретические позиции и предпочтения во взглядах на сознание определяют различие взглядов на психоанализ в истории. Психоанализ рассматривается как укрепление нововременного сознания, понимаемого в качестве способности осознавать предпосылки своего поведения и расширять пространство действия. Сознание в психоанализе предстает как

ниспровергнутое открытием бессознательного, которое стало доминировать и определять поведение человека; сознание Просвещения с его позицией «над» «объектом» оказывается разрушенным. Сознание в психоанализе открывает свою бытийность, неавтономию, заданность отношением и желанием Другого.

Рассмотрим эти три точки зрения на изменение сознания в психоанализе.

Рационалистическая трактовка психоанализа предполагает, что сознание получает большую основательность, возможность открывать основания своего действия, становится «над» объектом, «над» бессознательным (там, где было Оно, должно стать Я). Подобная точка зрения на психоанализ и его роль в изменении сознания связана с представлением о том, что идеалы Просвещения можно восстановить, скорректировав негативные исторические результаты изменения культуры в XX в., повернув линию развития сознания. Подобная точка зрения опирается на формулировки З.Фрейда, восходящие к идеалам Просвещения и содержащие надежду на силу разума и автономию сознания. Просвещенческая позиция обозначена С.Цвейгом – З.Фрейд в своей науке научил людей «ходить по жесткой земле прямо» (Цвейг, 1992, С. 15). Просвещение видело активность в рациональном познании и управлении объектом. Просвещение представляет собой особое мировоззрение, охватывающее определенные ориентиры и позиции, исходя из которых строятся высказывания. Каждой позиции соответствуют правила дискурса. Исследования подтверждают свои предположения, поскольку восприятие строится в рамках изначально заданной позиции. Действия оцениваются как свободные или несвободные. По С.Цвейгу, З.Фрейд наметил «путь к самим себе» (там же), после него «свободнее, сознательнее и пристальнее глядится новое поколение в свою эпоху» (там же). З.Фрейд, по мнению С.Цвейга, анализировал психоз лицемерия; человек XIX в. гордился своим разумом, а З.Фрейд раскрывал глубины бессознательного (там же). Попытки найти у З.Фрейда идеи Просвещения связаны со стремлением восстановить идеалы Просвещения в постсовременности, дискурс З.Фрейда видится как просвещающий. В конце XIX в психоанализ рассматривался в науке, в частности, отечественной, как эмансипативная практика, что предполагало социальные программы заботы о личности, надежды на передовую науку, которая бы разрешала практические проблемы путем очистки сознания от вкраплений бессознательного и повышала бы производительную отдачу (Автономова, 2000, С. 16)

Д.Грей пишет, что пользуются доктриной Просвещения, потому что ей нет альтернатив, что наша культура выступает культурой Просвещения, не по убеждению, а потому что нет других возможностей (Грей, 2003, С. 279). Но важно заметить, что дискурс этот противоречив, и это особенно очевидно, когда в нем утверждается, что З.Фрейд старался раскрыть лицемерие сознания и что З.Фрейд сделал это рационалистично. В противовес классическому взгляду, П.Рикер отнес З.Фрейда к критикам классического сознания. XX в. отличается сомнением в сознании, сомнением европейского сознания в своей единственности и данности. Согласно П.Рикеру, З.Фрейд выступает философом подозрения, открывая ложное сознание, высказывая сомнение в данности сознания, выступавшего основанием для феноменологов (Рикер, 1996). Поскольку смыслы стали «имманентизироваться», а не возводиться к самолегитимному внешнему основанию, то и психоанализ более не ориентируется на истину, возвышающуюся над эмпирикой, и рассматривается лишь как «практика».

В отличие от прежнего научного и эмансипативного интереса к психоанализу сейчас ставятся, в отечественной мысли, в частности, идеологические и психотехнические, не совпадающие между собой, цели (Автономова, 2000, С.16)

Сомнение в рационалистической позиции связано с тем, что сознание стало более развитым, но никак не более обоснованным. Психоанализ как система практической работы с сознанием, привел к сомнению в возможностях просветительской позиции и рациональности (Автономова, 2000).

Расширение сознания и представления о возможностях выбора, отделение от родовых связей – шаг на пути семиозиса – подрывает полагание присоединения, потому что выбираемые смыслы неистинны. Сознание современное не приобретает в психоанализе вождельное эффективное управление объектом, открывая основания своего действия. Сознание получает

возможность выбора, более широкого, поскольку открывает основания и действует с самими основаниями. Расплата за осознанность оснований в профанировании этих оснований, поскольку выбираемые основания не истинные. Сомнение связано и с возможностью окончательного познания оснований, открытием самодетерминации, процессуальности сознания, невозможности определить основания как объект, противостоящий субъекту в классической схеме; открытые основания сознания оказываются не классическим объектом, классическое управление основаниями или действиями с учетом познанных условий нереализуемо. Представление сознания индивида как управляемого оказывается неустойчивым в современных психотехниках; всегда досадный зазор – невозможность управления сознанием эмпирического индивида, которое ускользает хотя бы тем, что, осознавая, не выполняет навязанное поведение. Ускользает не сверхсознанием манипуляции, строящейся на знании оснований сознания, а ускользает в ответ на манипулирование. На каждые средства сознание вырабатывает защиты.

Укрепление сознания не наблюдается, поскольку есть сомнение в истинности значений, смыслов, социальных систем конструирования, индивидуальных средств. Все дается в качестве объекта выбора, оказываясь неистинным.

З.Фрейд открывает активность и неавтономию сознания, практикой психоанализа изменяет бытие сознания, корректируя постановку задачи. Самоопределение сознания расходится с классическим. З.Фрейд изменяет историю сознания, делает шаг на пути семиозиса, что не может трактоваться в качестве укрепления сознания, обеспечения его доминирования над объектом – бессознательным с помощью осознания оснований.

Укрепления сознания не наблюдается, потому что все средства, добытые из будущего культуры, оказываются путями профанирования. Всякое средство может быть использовано для управления и формирования защит. Разрушая одни защиты, человек ожидает найти и находит в психоанализе или в позиции, противоположной психоанализу, новые защиты – от самого психоанализа, от бинарности культуры (об «усталости психотерапии» – Сосланд, 1999).

Укрепление осознания не может быть дано психоанализом и потому, что открытия психоанализа используются СМИ, создающими ориентиры и способы усиления родовых скреп (см. Михайлов, 2002). СМИ формируют желания, цели, соблазны, призванные усилить родовые скрепы. Как человек ищет устойчивых ориентиров, невозможных в бытии, так и род, оказываясь эффективным, сталкивается с невозможностью движения. Сознание не управляет, а активно соглашается с обусловленностью; оно не становится целевым (целеполагающим). Не целевое сознание может быть активно, что для классики кажется недопустимым. Это означает, что сознание не укрепилось, как желало Новоевропейское просвещение, над бытием, над бессознательным. Подобное закрепление и вопросы о том, что выше – сознание или бессознательное – относятся к классическому рассуждению. Сознание не стало автономнее, прочнее в положении «над объектом», потому что оно оказалось в бытии, потому что осознавалась возможность, востребованность активности сознания. Расшатывается аутомодель сознания Нового времени и классическая позиция рассмотрения психоанализа, как открывшего новую предметность.

Сознание может рассматриваться в той же классической парадигме, но как потерявшее свое доминирующее место в психоанализе. Психоаналитическая работа предстает исключительно как работа с бессознательным. Эта позиция классическая. Всякое изменение сознания выступает как разрушение матрицы. Это и есть развитие сознания. Сознание в психоанализе рассматривается как потерявшее свое автономное и доминирующее место, что воспринимается трагично, когда сознание предстает как классическое, в субъект-объектной парадигме. Это сознание понимается как потерявшее свое автономное положение из-за открытий психотехнических средств, дискурса о бессознательном, освобождающего от ответственности. Психоанализ рассматривается как разрушитель классических идеалов, открывающий бессознательное, как новая наука о бессознательном, отказывающаяся от сознания как объекта, и от условий легитимации, связанных с автономным сознанием. Разрушение рассматривается как бытийное, в реальности бытия сознания, а не в схеме. В числе

негативных итогов может называться то, что современный человек, почувствовав вкус к психоанализу, уходит в рассуждения о бессознательном и не старается нести ответственность в реальной жизни. Но феномен ухода в разговор, позиция, старающаяся причислить себя к классике, не раскрывается, сознание не просто освобождается от ответственности за реальную жизнь, но получает в психоанализе реальную возможность выбирать и потому профанировать свое положение в мире, обретая большие возможности и потому большую ответственность. От нее, от большей ответственности сознание и старается избавиться, а не от трудностей, которые рассматриваются натуралистично, как в классической науке, так и защитниками классической позиции, предполагающими механистическую картину обусловливания. Сознание стремится защититься неосознаванием того, что все ориентиры возводятся к внешнему авторитету, легитимность которого скрыта запретом на рассуждения о легитимации основания. В психоанализе сознание убегает от трудностей, открытых самим психоанализом. Открыв эти трудности, сознание старается бороться против них средствами самого сознания, полученными в психоанализе, потому возникает проблема усталости психотерапии (Сосланд, 1999). Получив средства осознания, сознание профанирует сами средства и потому избегает ответственности. Это не составляет эмансипативную практику, а предстает практикой новой. Новая система расширяет, как кажется, по отношению к предыдущей системе родовой обусловленности, связанности сознания, возможности осознания и открывает новые условия профанирования. Открывает осознание того, что все смыслы профанны и дает новые возможности управления.

Нельзя сказать, что З.Фрейд выступал против Просвещения, поскольку сам он говорил об идеалах Просвещения, от них не отказался. З.Фрейд рассматривается как логоцентрический персонаж, потому можно говорить о расшатывании Нововременной матрицы сознания, но не отвержении. Ж.Бодрийяр пишет о том, что отношение к З. Фрейду стало негативным после анализа М.Фуко, когда и З.Фрейд, и Ж.Лакан стали рассматриваться как фигуры логоцентричные (Бодрийяр, 2000, С. 21). З. Фрейд для одних выступает воплощением логоцентричности, приверженцем Разума, для других – источником ненаучного дискурса. В Европе считается, что Фрейд – архаичный индивидуалист, Ж.Лакан излишне классичная фигура, которая требует деконструкции (Автономова, 2000, С.17).

Дискурс Фрейда не разрушает Нововременную схему и практику сознания. Скорее фрейдовский дискурс опирается на европейскую философскую традицию. Так Л.С.Драгунская считает, что существует сходство учения З.Фрейда с учением о развитии души Г.В.Ф.Гегеля (Драгунская, 2004, с. 142).

З.Фрейд хотя и критически относился к философии, которая, по его мнению, выводила все из сознания, но был связан с европейской традицией, строил свои рассуждения, восходя к идеалам Просвещения.

Психоанализ привлекает анализом и объяснением, анализом в отношениях с Другим, осознанием действия как отношения к другому. Психоанализ, научив анализу, создал сознанию новое пространство бытия, новую связь с Другим, открывая сознание в активности, бытийность сознания, его включенность во взаимодействие.

Психоанализ как новое пространство бытия, которого до него не было в культуре, новое занятие интеллигентного (знающего) человека, создает новое сознание, не могущее быть представленным рационалистически как система знаний – со-знание. Вне зависимости от истинности толкования важно, что «результат получен». Результат психоанализа есть осознание как профанирование смыслов, созданных ранее в культуре. Психоанализ выступает шагом сознания на пути культуры, шагом семиозиса (Пелипенко, 1998), сознание делает этот шаг и открывает себя в бытии, не избавляясь от включенности в бытие, порождая новые трудности смыслополагания. Психоанализ стараясь облегчить страдания человека, способствовал его историческому изменению. Человек постсовременности страдает, как и ранее, от культуры, но не культуры как подавления, а культуры как полагания бинарных оппозиций, от которых сознание старается избавиться установлением смысла. Последнее есть действие субъектности, наращивающее артефактуальное поле культуры (Пелипенко, 1998), потому сознание осуществляет бытийный шаг толкованием бессознательного. Сознание

оказывается и становится бытийным, действующим, а не отражающим, не совокупностью знаний. В этом и заключается культурное значение психоанализа.

З.Фрейд обусловлено строит психоанализ в истории, но задача психоанализа – анализировать симптом заката Нововременной системы. Психоанализ научил человека заниматься анализом вне зависимости от истинности толкования, человек привлечен анализом себя, приносящим удовлетворение субъективности, наслаждение наличием субъективности. Психоанализ говорит не об истине, этого и не требуется и не нужно современному человеку, но о наличии субъективности, что для постсовременного человека стало сомнительным. Подчеркнем, стало сомнительным как раз в то время, когда человек освоил понятие субъективности. Субъективность возникла как что-то реальное и стала сомнительна. Человек обрел в различении и потерял в профанности осознания. Психоанализ, как и другие практики культуры, подрывает уверенность в автономии и наличии собственного Я, создавая понятие субъективного. Никакая эпоха ранее не выделяла так субъективность, не различала тонкие душевные переживания, как современная.

Психоанализ и другие практики подрывают уверенность в автономии Я, и удовлетворяют дискурсом о нем.

Не так важна и страшна ошибка в конструкции психоаналитика, считал З.Фрейд, важнее сама установка на анализ бессознательного, которую получил современный человек. Он живет в пространстве психоанализа. Психоаналитические знания присутствуют в культуре, облегчая, затрудняя (Сосланд, 1999), изменяя психоанализ.

Психоанализ вызывает разные реакции, которые сами оказываются эффектом психоанализа. Сказать, в чем состоит эффект психоанализа затруднительно, поскольку психоанализ задал осознание того, что всякое дискурсивное построение есть создание картины мира. Сказать об эффекте психоанализа, значит создать его. Психоанализ есть расширение сознания, обогащение опыта (Руткевич, 1997, С. 186, Автономова, 2000) и осознание того, что знание не есть пополнение смысла, того, что жажда знания есть жажда власти в пространстве рассеянных смыслов.

Субъективность и дискурс психоанализа

Психоанализ есть возможность говорить о своих переживаниях, возможность дискурса о своей субъективности. Человек становится субъектом дискурса о себе, субъектом дискурса субъективности. Психоанализ, предоставляя возможность человеку говорить, обеспечивает формирование дискурса. Включенность в официальный круг дискурсивных отношений есть условие становления социальности, вся история представляет не индивида, а общество в его движении к субъективному. Личное выделяется из официального пространства. Субъектом своих субъективных переживаний человек становится в средние века.

Психоанализ дает человеку возможность говорить, казалось бы, о том, о чем тот давно говорить желал, но и формирует самое желание говорить, формирует симптом. Желание говорить о сексуальности обуславливает появление социального института (см. Фуко, 1997), психоанализ, как и исповедь, оформляют и структурируют желание говорения – обе практики вынуждают говорить и создают формы управления этим процессом.

Выделение дискурса есть становление субъекта (Фуко, 2005), М. Фуко рассматривает это рационалистически, не замечая, что возможность дискурса есть возможность профанирования, ибо говорение индивида есть удовлетворение себя. Удовлетворяясь своей субъектностью, становясь вечным клиентом, индивид находит в психоанализе осознание и защиту в осознании, или, другими словами, в профанировании. Сознание в ходе семиозиса преодолевает прежние защиты. Становление нового субъекта дискурса о субъективном, начиная с исповеди, есть становление системы контроля. Психоанализ изменяет бытие, создает новую защиту – уход в психоанализ.

Субъективность осознает возможность саморегуляции и возможность профанирования добытых средств. Желая свое я, индивид желает стать субъектом нового, стать не столько

субъектом осознания внешнего, сколько субъектом дискурса. Это удовлетворение, что бы ни говорил человек, каким бы «бессубъектным» он ни формировался, дает смысл. Говорить, значит, выстраивать дискурс, говорить Другому, очерчивать себя в позиции перед другим.

Субъект М.Фуко старается говорить сам, стать субъектом дискурса. Управление сексуальностью осуществляется через дискурс. Исповедь средневековая открывает субъективность человека (Баткин, 2000), исповедь выступает механизмом власти, который связан с рождением субъективности (Фуко, 2005). Психоанализ как другая пространственность исповеди, создает новый контроль.

Желание говорить о сексуальности, требование говорить о сексуальности, как и принимать на себя вину, составляют культурную регуляцию сексуальности и обеспечивают социальное становление субъективности. Становление сексуальности, форм ее регулирования и обобществления, идет с развитием субъективности не как переживание «подавления» культурой, а как переживание в культуре.

Стать субъектом значит стать субъектом дискурса (М.Фуко). Вынуждение говорить оборачивается контролем субъекта и обеспечивает становление смысла (бинарности «страдания – смыслы» – это в данном случае есть истончение субъективного и развитие его). Говорить означает становиться субъектом (Фуко, 2005).

З.Фрейд артикулировал проблему субъективности, открыл субъективность науке и практике (врачебной, практике искусства).

«Роль субъективности... и субъективных переживаний подчеркивалась разными философами... Вся до-фрейдовская философия – сколь бы важную роль ни играли чувства... субъектов... была философией агрессии и... объективности» (Драгунская, 2004, С. 142). «Фрейд не открыл субъективное переживание, но он поставил его в центр» (там же). Для З. Фрейда субъективное становится не проблемой, но пространством, в котором существует психоанализ. От клиента требуется шаг, поступок сознания. Психоанализ рассматривает субъективность, сознание, а не психические механизмы адаптации в мире, и сознание рассматривается в бытии с Другим. Субъективность предстает в психоанализе не в качестве искаженного отражения, а в форме бытия с Другим, и эта форма бытия дана нам в самом пространстве психоанализа, в котором человек способен «застрывать» на долгие годы. Психоанализ не только дает дистинкции, но и приносит удовлетворение. Эта новая схема культуры есть новое видение, новый анализ, предоставляющий укрытие от культуры с ее бинарностью; это шаг семиозиса и смыслополагание, утверждение сознания в культуре.

Бытие с Другим в психоанализе

З.Фрейд помещает в фокус исследования отношения с Другим. В Новое время они легитимировали, не осознаваясь, устойчивость сознания. Для З.Фрейда становление сознания есть *становление в отношениях с Другим*. Своего Другого З.Фрейд еще не осознает. Оппонентный круг в науке становится проблемой лишь в связи с анализом конвенционализма и логики формирования научной парадигмы. З. Фрейд опирался на науку классического образца, стремился реализовать субъект-объектную схему исследования, ориентиры Просвещения, но практика расшатывала их.

Неклассическое описание сознания в детстве составляет содержание работы, не автономность, а *становление сознания* становятся предметом анализа.

Н.С.Автономова, обсуждая вопросы интереса к психоанализу в наши дни, пишет, «почему же... я сейчас ставлю... вопрос о субъекте применительно к психоанализу... психоанализ имеет... доступ к самому важному... и первичному «месту» формирования – к... структурированию в рамках семьи. Речь идет о трудном процессе... созревания человека при сверхдлительном... периоде его зависимости от других людей, так что шрамы от вызревания человек, как правило, несет на себе всю взрослую жизнь» (Автономова, 2000, С. 17). Психоанализ есть ситуация изучения опыта человеческого становления и структурирования в семье через работу с языком. «В языке... фиксируются нарушения или нехватки

структурирования семейных отношений. Ролевые неясности: ...словесные неясности, неустойчивости в терминологически значимых местах могут указывать на места в бессознательном, где нужна помощь психоаналитика» (там же, С. 18)

Психоанализ расшатывает субъект-объектную парадигму Нововременной науки. В субъект-объектной парадигме человек как субъект был обоснован подчинением объекта. Обоснование было неосознанным, подчинение легитимным. Человек не задавал вопросов о возможности парадигмы, спрашивал лишь о том, почему конкретный объект не подлежит управлению.

Психоанализ открывает субъективность и Другого не философски, а эмпирически. После психоанализа Другой не скрыто легитимирует мир, а задает вопрос о допускающей активности. Дискурс о Другом в психоанализе освобождает и удовлетворяет, давая защиту от осознания.

Открывая связь с Другим, условия коммуникации, ее заданность, психоанализ создает возможность преодоления заданности, что означает свободу в самолегитимации, воспринимающуюся классическим сознанием как кризисное состояние. «Разумное «я» западной философской традиции если не «подрывается», ... то ... «перестает быть хозяином» (Руткевич, 1997, С. 182).

«Я конструируется в поле социальных отношений» (там же). Возникает коммуникативная парадигма, рассматривается процесс социального конструирования реальности. Психоанализ исследует не процессы конструирования, а бытие с Другим. Травма есть связь с Другим, дискурс отсылает к Другому, потому возможно толкование.

Сознание находится (для себя) в диалоге с Другим, который есть объективно, потому другой не сам устанавливает значимость диалога, а включен в объективное установление, считает К.Касториадис. Другой отказывается от своей роли управляющего миром и подводит ребенка к установлению значений. Не другой, а установление общества обеспечивает выведение психики ребенка из состояния кажимости всемогущества, из безумия всемогущества (Касториадис, 2003). Установление, над которым не властен другой, есть установление общества. Это и есть отношения с Другим, превосходящие отношения с другими (Касториадис, 2003, С. 383). Другой отрекается от власти и относит ребенка к значениям (там же). «Мы видим, что те, кто будет брать на себя заботу о новорожденном, могут... не оказываться носителями воображаемого псевдомира, где ими должны воплощаться лики всемогущества; и как они смогли бы ему помочь выбраться из него, ... не предоставляя и не фигурируя для него [в качестве]... желания, доступа к которому он не должен иметь, без чего никогда бы ни другой не смог бы быть для ребенка субъектом автономного желания, ни сам ребенок стать таким субъектом» (Касториадис, 2003, С. 384 – 385).. В этом описании вхождения ребенка в отношение с другим (Другим Ж.Лакана) есть описание активности, а не передачи информации, осознания, а не адаптации, отделения от другого в прорыве, а не в накапливании опыта социального.

В этом проблема «эдиповых обстоятельств... у нас... нет права на тот бессвязный вымысел, согласно которому вхождение психики в общество» осуществляется без последствий (Касториадис, 2003, С. 385).

Отношение с Другим есть центр анализа ситуации клиента и развития ребенка в культуре. Клиент, замечает Ж.Лакан, «начинает анализ с того, что он говорит о себе, но обращается ... не к вам, или он обращается к вам, но говорит не о себе» (цит по: Василюк, 2003, С. 38). Это выглядит как парадоксальное высказывание, потому что есть «трудноискоренимая натуралистическая привычка мыслить в терминах «объективных и объектных», считает Ф.Е.Василюк (там же). Эта формула дает возможность оценивать эффективность психоанализа вне внешних критериев эффективности, навязываемых психоанализу социальными структурами. Коммуникативность есть пространство языка. Язык укореняет в Другом, мешая понять отношения с Другим (Лакан, 1999, С. 353).

В отношениях с Другим индивид собирает себя, но не в образе; ставит цель собираться в отношениях к Другому, но не в образе другого (там же, С. 354).

3. Фрейд начал формулировать проблему отношения к Другому и бытия сознания с другим, осознания в связи, в диалоге с другим. Как считает Ф.Е.Василюк, «коммуникативным стилем мышления блестяще владел... Зигмунд Фрейд»... «Я», цензура ... имеют коммуникативную природу. Это стало понятно еще в ранних бахтинских анализах фрейдизма» (Василюк, 2003, С.37). «Коммуникативная парадигма... начинает формировать... представления о процессе взаимодействия пациента и терапевта, что более чем естественно, но и понимание природы личности, причин психопатологии» (там же).

Коммуникативная парадигма включает анализ бытия индивида, заданность и осознание заданности Другим. Другой как вопрос о бытии есть подрывание сознания классики. Коммуникативная парадигма базируется в психоанализе, в частности, на том обстоятельстве, что в терапии используется беседа, познание и исцеление осуществляются коммуникативно.

Коммуникативная парадигма предполагает принципы, противоречащие классическим условиям легитимации научного знания. Истина в психоанализе оказывается не интересубъективной, проверяемой, а бытийной. Интересубъективность становится не проверкой, а созданием общего (Петровский, 1992). Истина не проверяется интересубъективно, а создается средствами коммуникации.

Индивид не рассматривается в коммуникативной парадигме вне сообщества. Это не означает введения психологизма в науку, поскольку осознается основание связи. Коммуникативные системы выступают не средствами группового восприятия, а системами бытия и познания в совместности. Понятие научности не размывается в коммуникативной парадигме, а включает средства и бытие совместности. Коммуникативность не открывает коммуникативные процессы, но дает возможность осмысливать бытие как диалогическое, заданное Другим. Сознание связано с другим – аналитиком для пациента, взрослым для ребенка. Сознание не может выпасть из диалога с другим, хотя бы и приняв новое толкование и осознавая ответственность. Освобождение от коммуникативности невозможно, потому, пишет Ф.Е.Василюк, становится жаль сознание пациента: в результате долгого анализа оказывается, что нужно лишь принять обусловленность. Коммуникативность не система, в которой формируется сознание и контролируется восприятие мира; коммуникативность психоанализа может быть отнесена к сфере бытия. Делая шаг в коммуникативном пространстве, человек делает шаг в бытии, осваивает пространство бытия. Он осознает заданность Другим и необходимость построения действий в ответ другому. Психоанализ выступает как бытийный шаг и шаг в бытии, а не в конструируемом мире, не в конструкции, потому что трудность шага и реальность другого есть реальность бытийная, видимая как бытийная, ставящаяся как бытийная, как принудительность, а не конструирование. К миру человек относит конструкции и в мире он страдает. Этими страданиями и осуществляется бытийный шаг. Эта нудительность объективная – от нее человек не избавится осознанием, стремящимся стать над бытием в силу самой своей функции. Этот акцент на страдании человека, известный психоаналитику, определяет психоанализ в бытийной ориентированности на человеческие страдания. Индивид осознает ответственность перед бытием, не в классическом смысле, не как присоединение, гарантированное культурой, к внешнему, а как соиздание мира, согласия.

Коммуникация в психоанализе выступает не как передача информации, а как пространство прорыва к обществу, от воображаемого всемогущества к установлениям общества (Касториадис, 2003, С. 283).

Психоанализ создает условия для развития сознания. Развитие сознания и объективное отражение не совпадают. Развитие сознания выступает распадом предыдущего синкретического комплекса, оказывается шагом на пути семиозиса (Пелипенко, 1998). Можно ставить вопрос о том, стало ли сознание человека в XX в. более точным, объективным, чем ранее, но вопрос объективности не самый важный в обсуждении психотехнической системы. З.Фрейд изменил сознание, сдвинул его в историческом развитии не в сторону объективности, а в сферу означивания. Это и есть распад синкретического состояния и установление новых различий, «трезвых дистинкций», как пишет Н.С.Автономова (Автономова, 2000). Согласно классической точке зрения, З.Фрейд выступает как ученый, открывший бессознательное. В

свете такого традиционного взгляда, З.Фрейд оказывается открывателем новой предметности, не изменившим ни сознания, ни бытия сознания, не создавшим новой проблемы и возможности действия. Согласно этой позиции, не сознание, а бессознательное определяет поведение. Изменилось понимание детерминации поведения. Тогда ничего нового психоанализ не внес, изменились акценты в представлении причин. Никакой историчности. Цитаты, вырванные не столько из целостного учения, сколько из истории, «доказывают» эту точку зрения, опирающуюся на классическую схему. Осознание своей неавтономности, нецелостности, легитимности в классическое время было невозможно, потому и нарушения сознания, проходившие по ведомству отклонения, не были замечены как симптомы расшатывания нововременной схемы сознания. Они казались лишь нарушениями, но не могли породить сомнения в легитимности сознания и условий, выстроенных на очевидности сознания. З.Фрейд, столкнувшись первоначально с фактами нарушения осознания и сознательного действия, не рассматривал их как факты заката Нового времени и разрушения его матрицы. Но, начав работать с ними, он, видимо, неосознанно очертил проблему сознания и условий легитимации научного знания, связанных с очевидностью сознания. Практика З.Фрейда, обычно относимая к гуманитарной, расшатывала уверенность в легитимности сознания, укорененного в очевидности, данности. Психоанализ учит трезвой осознанности, а не синкретичности, психоанализ дает новые дистинкции, необходимые, как считает Н.С.Автономова, отечественной культуре (Автономова, 2000, с.18). Он не сулит постсовременному человеку избавления от необходимости полагания бинарных отношений, но создает условия для смыслополагания, удовлетворение и защиту от слишком радикального обнажения протупающих в анализе оснований (сознания и бытия).

Психоанализ открывает новую страницу в развитии сознания и – создает новую защиту. В постсовременности человек оказывается перед выбором – развитие или защита. Выбор включает осознание / различение и «застревание»; но этот выбор касается не практики и приемов анализа, а бытия самого сознания и он зависит от отношения к психоанализу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Фрейд в Европе и в России: парадоксы «второго пришествия» // Вопросы философии. 2000. №10. С. 15 – 19.
2. Аграчев С.Г. Перенос, контрперенос // Московский психотерапевтический журнал. 1998. №2.. С. 9 – 18.
3. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. М., 2000. – 90 с
4. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003. – 240 с.
5. Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003. 367 с.
6. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М., 2003.
7. Лакан Ж. Семинары. М., 1999. Кн. 2.
8. Михайлов Ф. Т. Проблема *subject – objet* // Субъект. Познание. Деятельность. М., 2002.
9. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система // Человек. 1998. № 1 – 2.
10. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998.
11. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
12. Петровский В.А. Личность: феномен субъектности. М., 1993.
13. Поппер К. Логика научного исследования. М., 2004.
14. Рикер П. Герменевтика и психоанализ. М, 1996. - 270 с.
15. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 2005. – 409.
16. Ромек Е. А. Психотерапия: теоретическое основание и социальное становление. – Ростов-на-Дону, 2002.
17. Ромек Е.А. Социальный статус психотерапии. Автореф... дисс. докт. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 41 с.
18. Руткевич А.М. Психоанализ. - М., 1997. – 352 с.

19. Руткевич А.М. Научный статус психоанализа // Вопросы философии, №10, 2000. – С. 9 – 14.
20. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 1997.
21. Фуко М. Нужно защищать общество. М., 2005. – 312 с.
22. Цвейг С. Зигмунд Фрейд // Зигмунд Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992. – С. 3 – 90.